

ОБЕЗБОЖЕННЫЙ МИР В НОВЕЛЛЕ С. КРЕЙНА «В ШЛЮПКЕ»

Анастасия Игоревна Михайлова

студент магистратуры направления подготовки «Педагогическое образование»
кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, филологический
факультет

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

mikhailova.123@mail.ru

Татьяна Анатольевна Полуэктова

д. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания,
филологический факультет

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

poluektova.06@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>

Статья поступила в редакцию 30.05.2026

Статья посвящена анализу новеллы С. Крейна «В шлюпке» (1898). Исследуется репрезентация обезбоженного мира как пространства, в котором стихия равнодушна к героям, а смерть человека не предопределена роком или судьбой, т.е. является следствием суровой реальности. Рассматривается пограничная ситуация между жизнью и смертью, из чего делается вывод, что поэтика С. Крейна предвосхищает идеи экзистенциализма и творчество писателей «потерянного поколения».

Ключевые слова: Стивен Крейн, американская литература, рубеж веков, пограничная ситуация.

С. Крейн (*Stephen Crane, 1871–1900*) относится к ярчайшим фигурам американской литературы конца XIX в. Несмотря на то, что писатель скончался в двадцативосьмилетнем возрасте от туберкулеза, он сумел

оставить очень заметный след в американской художественной прозе, поэзии и журналистике.

Одним из знаковых произведений С. Крейна можно назвать роман о Гражданской войне в США «Алый знак доблести» (1895), написанный не без влияния «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, в адрес которого американский писатель неоднократно высказывался с восхищением. Интересно, что сам Крейн не был участником Гражданской войны, однако с удивительной точностью воспроизвел душевные метания солдата, переживающего ужасы сражений.

Любопытно отметить, что С. Довлатов как-то обмолвился: «Я вышел из "Голубого отеля" Стивена Крейна» (см. об этом [Рохлин 1995: 414–421]). Можно предположить, что обоих сближала особая авторская позиция, исключая оценочное отношение к собственным героям и завороченность тайнами человеческой природы.

С. Крейн прожил короткую, но крайне насыщенную творческую жизнь, экспериментировал в разных жанрах и стилях, опираясь на произведения писателей-баталистов (А. Бирс, В. М. Гюго, Р. Киплинг, Л. Н. Толстой и др.). Следствием этого выступают такие ставшие константными черты поэтики его прозы, как реализм, натурализм, декадентство, символизм, антиромантизм.

В январе 1897 г. пароход «Коммодор» (Commodore), на котором С. Крейн направлялся на Кубу, затонул. Писатель пережил это кораблекрушение и чудом спасся, добравшись до суши. Пережитый опыт лег в основу сюжета его новеллы «В шлюпке» (*The Open Boat*). Произведение вошло в состав сборника «"В шлюпке" и другие рассказы о приключениях» (*The Open Boat and Other Tales of Adventure*), опубликованного в апреле 1898 г. наряду с такими рассказами, как «Мудрецы» (*The Wise Men*), «Как новобрачная приехала в Йеллоу-Скай» (*The Bride Comes to Yellow Sky*) и «Смерть и дитя» (*Death and the Child*).

Особенность данного произведения заключается в том, что С. Крейн переосмысляет традиции морской литературы (Г. Мелвилл), где океан – явление божественного промысла или демонических сил. В его прозе природа абсолютно индифферентна по отношению к человеку: она не сочувствует, не идет на помощь, не наказывает, а вместо Бога – пустота и молчание, отсутствие веры и гаранта смысла [Васильевская 1967: 136]. Также в этой новелле можно отметить традиционный для творчества С. Крейна прием – обращение к лейтмотиву раны, как к символу доблести [Анцыферова 2015: 130], носителем которой является капитан, чьи указания привели кока и корреспондента к спасению.

Характерно, что практически у всех героев нет имен, есть только представление об их ролях: корреспондент, кок (повар), капитан и механик (смазчик) Билл. Последний погибает в конце, захлебнувшись морской водой, в попытках добраться до суши.

Главный враг четверых мужчин – волна, которая, по своей сути, равнодушна, лишена витальности, это не наказание свыше, не что-то, наделенное свойствами живого, это природная сокрушительная сила, которая волею случая может утопить лодку или, наоборот, прибить ее к берегу, волна существует сама по себе: «Никогда не понять море и его мощь тому, кто не оказывался в 10-футовой лодчонке среди череды волн. Совсем нетрудно было каждый раз представить, что вот сейчас, вот именно эта несущаяся на лодку мрачная громада воды окажется последней. Вместе с тем в движении волн была своя ужасная грация. Они возникали и катились в полном молчании, храня его, чтобы вдруг обрушить рычанием рушащегося гребня [Крейн 2015] (“In a ten-foot dingey one can get an idea of the resources of the sea in the line of waves that is not probable to the average experience which is never at sea in a dingey. As each slaty wall of water approached, it shut all else from the view of the men in the boat, and it was not difficult to imagine that this particular wave was the final outburst of the ocean, the last effort of the grim water. There was a terrible grace in the move of the waves, and they came in silence, save for the snarling of the crests” [Crane 1898: 6–7]).

Оказавшись на грани между жизнью и смертью, человек, предположим, стал бы умолять высшие силы помиловать его, обещая непременно исправиться, измениться, он был бы напуган и доведен до отчаяния, прося о спасении (по тексту новеллы). Религиозный язык у С. Крейна переживает кризис. Герои новеллы ведут себя прямо противоположно. Для них не существует Бога, есть только Судьба, которая, с их точки зрения, глупа, они проклинают ее, гnevят: «Пожалуй, в таком положении, перед лицом безразличия всей вселенной, человек должен был бы увидеть все бесчисленные пороки своей жизни, ужаснуться, представив их вкус... и взмолиться о еще одном шансе. Перед неизвестностью у края могилы различие между добром и злом кажется наконец ясным, и человек понимает, что если ему выпадет начать заново, он все исправит, и слова, и то что делал, и даже станет остроумнее при знакомствах и разговорах <...> И тогда души мужчин наполнила ярость <...> Если уж сама Судьба такая дура, что не могла придумать ничего получше, не за что ей властвовать над людьми. Старая курица, сама не знает чего хочет. Если уж решила утопить, почему сразу не утопила, а спасала от беды? Все это так нелепо [Крейн 2015] (“It is, perhaps, plausible that a man in this situation, impressed with the unconcern of the universe, should see the

innumerable flaws of his life, and have them taste wickedly in his mind and wish for another chance. A distinction between right and wrong seems absurdly clear to him, then, in this new ignorance of the grave-edge, and he understands that if he were given another opportunity he would mend his conduct and his words, and be better and brighter during an introduction or at a tea <...> As for the reflections of the men, there was a great deal of rage in them <...> If this old ninny-woman, Fate, cannot do better than this, she should be deprived of the management of men's fortunes. She is an old hen who knows not her intention. If she has decided to drown me, why did she not do it in the beginning and save me all this trouble? The whole affair is absurd” [Crane 1898: 53, 25]).

Обезбоженному миру противопоставлены персонажи новеллы, каждый из которых по-своему отвечает на удары судьбы. Так, капитан является собой «раненую» (капитан был ранен во время кораблекрушения) власть, продолжающую руководить оставшейся частью команды, раздавая приказы, будучи не в силах грести, и ведя героев к берегу, символизируя «профессиональную надежду». Механик убежден в их спасении, доводит все до абсурдного и наивного практицизма, более человечен в сравнении с остальными, верит в удачу, но в результате тонет. Кок утешает себя и команду тем, что им обязательно помогут люди с берега, что схоже с религиозным упованием, где человек надеется на высшую силу. Корреспондент же фиксирует происходящее: сквозь его оптику мы видим окружающий абсурд, он рефлексировать, ни во что не веря, однако это не парализует его, а заставляет действовать, идти до конца. Героев (трех из четверых) спасает не чудо, а слаженная работа, солидарность друг с другом и прилив (последнее не более, чем стечение обстоятельств, так как природа все еще равнодушна: «Она не казалась ни жестокой, ни милосердной, ни вероломной, ни разумной. Нет. Она была равнодушной, просто равнодушной [Крейн 2015] (“She did not seem cruel to him then, nor beneficent, nor treacherous, nor wise. But she was indifferent, flatly indifferent” [Crane 1898: 52])).

Ключевой сценой новеллы можно назвать спасение (кроме погибшего механика) героев в финале. При этом они никак не рефлексировать его смерть, не плачут, не сожалеют, продолжая двигаться дальше. В этом и заключается новая этика обезбоженного мира: «Спасшихся из моря встретили тепло и щедро. Но одного из них, неподвижное тело, с которого еще стекала вода, медленно понесли с пляжа наверх [Крейн 2015] (“The welcome of the land to the men from the sea was warm and generous, but a still and dripping shape was carried slowly up the beach” [Crane 1898: 63])).

Пройдя ужасный путь к спасению, в конце концов герои осознают, что теперь будто бы понимают природу и могут ее объяснить, однако автор не уточняет их интерпретацию: «Настала новая ночь и появился месяц; белые гребни волн все так же катились по морю, а ветер пел великую песню моря мужчинам, стоявшим на берегу. Они чувствовали, что теперь понимают ее и, пожалуй, смогли бы объяснить [Крейн 2015] (“When it came night, the white waves paced to and fro in the moonlight, and the wind brought the sound of the great sea's voice to the men on shore, and they felt that they could then be interpreters» [Crane 1898: 63]”).

Таким образом, С. Крейн десакрализирует смерть, человек (Билл) умирает не потому, что так угодно Богу или Судьбе (Fait), а потому, что волна оказалась выше, а сил преодолеть ее уже не было [Панова 2017: 507]. Обезбоженный мир и изображение человека, оказавшегося в пограничной ситуации в состоянии между жизнью и смертью или в ситуации выбора (продолжить попытки спастись или же сдаться и утонуть) в определенном смысле предвосхищает повесть Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952).

Список литературы

Анцыферова О. Ю. Русская и художественные искания американских писателей конца XIX в. (Г. Джеймс, У.Д. Хоуэллс, С. Крейн): монография. Москва: Директ-Медиа, 2015. 148 с.

Васильевская О. В. Творчество Стивена Крейна. М.: Изд. Наука, 1967. 316 с. С 116–147.

Крейн С. Шлюпка / пер. Г. Шммерлинга // *parusnarod.ru*. 2015. URL: https://parusnarod.ru/bib/books/crane/opboat_grs.htm (last accessed: 09.03.2026).

Панова О. Ю. Стивен Крейн: критика благопристойной морали // Разрыв и связь времен. Проблемы изучения литературы рубежа XIX–XX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С 507–508.

Рохлин Б. Скажи им там всем... / Малоизвестный Довлатов: сб. СПб., 1995. С. 414–421.

Crane S. The Open Boat and Other Stories. New York: Doubleday & McClure Co., 1898. 336 p.

THE DEHUMANIZED WORLD IN S. CRANE'S NOVEL *THE OPEN BOAT*

Anastasia I. Mikhailova

Master Course student of Pedagogical Education,
Department of World Literature and its Teaching Methods
Faculty of Philology
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
660049, Russia, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89
mixailova.123@mail.ru

Tatyana A. Poluektova

Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and its Teaching Methods, Faculty of Philology
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
660049, Russia, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89
poluektova.06@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>
Submitted 30.05.2026

The article is devoted to the analysis of S. Crane's novel *The Open Boat* (1898). The article explores the representation of the dehumanized world as a space in which the nature is indifferent to the heroes, and the death of a person is not predetermined by fate, but is a consequence of harsh reality. The limit situation between life and death is considered, from which it is concluded that S. Crane's poetics anticipates the ideas of existentialism and the work of the writers of the "lost generation". Keywords: Stephen Crane; American literature; turn of the century; borderline situation.

Key words: Stephen Crane, American literature, turn of the century, limit situation.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Михайлова А. И., Полуэктова Т. А. Обезбоженный мир в новелле С. Крейна «В шлюпке» // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 21–26. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-21-26. EDN OZWKFT

Please cite this article in English as:

Mikhailova A. I., Poluektova T. A. Obezbozhennyy mir v novelle S. Krejna «V shlyupke» [The Dehumanized World in S. Crane's Novel *The Open Boat*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 21–26. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-21-26. EDN OZWKFT